

СРЫВАНИЕ МАСОК

Рецензируемая книга* посвящена императору Японии Хирохито, которому принадлежит рекорд пребывания на хризантемовом троне, — с 1925 по 1989 г. За это время Япония пережила много ярких и драматических событий: это и так называемая «пятнадцатилетняя война» (события, начавшиеся в 1931 г. с захватом Японией Маньчжурии и завершившиеся разгромом Японии во второй мировой войне в августе 1945 г.), и ломка политического и социально-экономического порядка в результате оккупации Японии американскими войсками в период 1945—1951 гг., и «японское экономическое чудо», выведшее Японию на второе место в мире по объему ВВП. Для самого Хирохито его рекордное растянувшееся почти на шесть с половиной десятилетий пребывание на императорском посту делится на два неравнозначных отрезка: до августа 1945 г., когда он по конституции 1889 г. был почти неограниченным правителем, и после августа 1945 г., когда согласно конституции 1947 г. Хирохито утратил политическую власть и превратился в «символ японского государства и единства японского народа».

Личность Хирохито давно уже привлекает исследователей, которые дают неоднозначную оценку ему как политику и как личности. Одни щадят его, выводя из-под огня критики за развязывание агрессивных действий 30—40-х годов, приведших Японию на грань национальной катастрофы. Другие, напротив, вменяют ему в вину агрессивные войны и конфликты Японии и считают императора военным преступником. Автор рецензируемой монографии придерживается последней точки зрения, последовательно проводит ее. Он как бы поставил своей целью сорвать с Хирохито маски миролюбца, гуманиста, человека, далекого от политики и руководствовавшегося решениями, выработанными кабинетом министров.

Рецензируемая монография тем более интересна и полезна, что является первым, на наш взгляд, трудом биографического характера, посвященным Хирохито, построена на строго документальной основе и широком круге источников. В ней российский читатель, не особенно избалованный информацией в области истории Японии, найдет много нового и интересного по истории политического развития Японии 20—40-х годов XX в. Автор выступает против точки зрения, утвердившейся с легкой руки американского дипломата Грю, об умеренной позиции Хирохито и придворных политических кругов в противоположность экстремистски настроенным военным.

Он, в частности, пишет: «В отличие от утверждения Грю японский генералитет никогда не «доминировал полностью» над политическими процессами внутри страны. После ухода в отставку кабинета Тодзё высшие чины армии и флота остро ощутили усиление позиций придворных кругов и окружавших плотной стеной престол «умеренных» (С. 450). Эта идея в различных вариациях повторяется на с. 493, 512, 523, 532. Г. Бикс стремится доказать, что Хирохито был властолюбивой личностью и даже после войны, когда согласно конституции он был лишен реальной политической власти, стремился вернуться в большую политику и влиять на политические процессы, происходившие в стране. Он подчеркивает антигуманизм и равнодушие Хирохито к нуждам народа и японскому общественному мнению. Так, приводится реакция императора на опрос общественного мнения по поводу большого вопроса об ответственности за войну: «Через три месяца после телевизионного интервью агентство новостей «Киодо» предложило трем тысячам мужчин и женщин ответить на вопрос, как они относятся к монархии. Из восьмидесяти процентов согласившихся пятьдесят семь считали, что на императоре лежит ответственность за войну. Из бесед Хирохито с журналистами становится ясно: мысли и чувства соотечественников нисколько не интересовали его величество» (С. 554).

В данном случае Г. Бикс воспроизводит и подкрепляет точку зрения либеральных американских историков и политологов, утвердившуюся в послевоенный период, весьма жестко оценивавшую Хирохито как политика и как личность¹. До последнего времени эта точка зрения господствовала и в отечественной историографии. Но, справедливости ради, необходимо отметить, что существуют и другие точки зрения, оценивающие довольно сложную фигуру Хирохито иначе. Так, тонкий наблюдатель — временный поверенный в делах СССР в Японии в 20-е годы Григорий Беседовский писал об аполитичнос-

* Бикс Герберт. Хирохито и создание современной Японии. М.: АСТ, 2002.

ти императора: «... Наследный принц Хирохито, нынешний император, очень талантливый и мягкий человек, занимавшийся главным образом ботаникой и опытами рисосеяния»².

Необходимо отметить политическую смелость и мужество Хирохито в принятии решения о капитуляции Японии. Он вопреки традиции принял это решение единолично, в обстановке, когда кабинет министров не смог достигнуть консенсуса по данному вопросу. Это решение влекло за собой угрозу его жизни со стороны экстремистов, не хотевших прекращать ставшее уже бессмысленным сопротивление Японии союзникам по коалиции в тихоокеанской войне. Юристы с трудом нашли прецедент, чтобы оправдать поступок императора с помощью японского традиционного права.

Следует также заметить, что Г. Бикс недооценивает действие механизма японской политической культуры, который предполагал невмешательство императора в выработку конкретных политических решений, а допускал лишь их санкционирование после достижения консенсуса кабинетом министров, своего рода легитимацию. Это, естественно, ограничивало политическую роль Хирохито, его самостоятельность как политика.

При всей спорности генеральной идеи автора монографии и отдельных высказанных положений книга Г. Бикса тем не менее очень содержательна и показывает многие события истории Японии в новом свете. Так, например, при описании политической ситуации в Японии 20-х годов автор показывает, что движение за «демократию Тайсё» (1918—1925) было вызвано не только возрождением либерализма в стране, но и своеобразным хаосом в политической системе, созданным отчасти политической и физической недееспособностью отца Хирохито — императора Тайсё (Есихито).

И таких открытий для себя внимательный читатель найдет в рецензируемой книге немало. В этом большая ценность книги при общей уязвимости ее концепции. Автор, на наш взгляд, увлекся срыванием масок с Хирохито.

В заключение нужно сказать о качестве перевода. Хотя он отличается высоким качеством, переводчику не удалось избежать промахов, которые меняют смысл текста. Так, на с. 538 используется выражение «по праву божественного умысла» вместо «божественного промысла». В другом месте он переводит вместо «административного соглашения» «соглашение об администрации» (?). Эти небрежности досадны для такого содержательного труда, как монография Г. Бикса, однако они не умаляют общей ценности книги.

В. В. Совастеев,

доктор исторических наук, профессор ДВГУ